

БЕЛОКАМЕННЫЕ САРКОФАГИ И НАДГРОБИЯ НЕКРОПОЛЯ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ ИЗ РАСКОПОК В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ 2015–2017 гг.

© 2019 г. Н.А. Макаров*, Л.А. Беляев**, В.С. Курмановский***

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: nmakarov10@yandex.ru

**E-mail: labeliaev@bk.ru

***E-mail: kurmanovskiy@mail.ru

Поступила в редакцию 05.03.2019 г.

В статье публикуются каменные погребальные сооружения, обнаруженные при раскопках Института археологии РАН (2015–2017 гг.) в зоне кладбища монастыря Чуда Архангела Михаила в Хонех в Московском Кремле. Один из древнейших и самых известных, этот монастырь полностью уничтожен в 1930-х годах. Его некрополь никогда в натуре не изучался. Все саркофаги принадлежат к московскому типу антропоморфных каменных гробов, трапезиевидных и с округлыми оголовьями XVI в. Надгробия датируются шире — от конца XIV до первой половины XVII в. Среди надписей — уникальная, использующая формулу смерти “за царя и всех православных христиан” при осаде в 1572–1573 гг. крепости Пайда в ходе Ливонской войны. Другие тексты называют имена монастырских слуг и придворной знати XVII в.

Ключевые слова: саркофаги, надгробия, эпиграфика, кладбище, Московское царство, Кремль, Чуда Архангела Михаила в Хонех монастырь.

DOI: 10.31857/S086960630005449-2

Белокаменные погребальные объекты Московского Кремля давно стали предметом научной фиксации. Надписи XVI–XVII вв. публиковали с середины XVIII в. (Сумароков, 1757. С. 387–404); ремонт Архангельского собора начала XX в. сделал доступными большинство надгробных сооружений (Рогозина, 2013). Белокаменные саркофаги Спасского монастыря привлекли внимание в XIX в. (Солнцев, 1849. Л. 107). В середине XX столетия М.М. Герасимову удалось исследовать саркофаги Ивана Грозного, его сына Федора и князя М.В. Скопина-Шуйского (Панова, 1987). Найденные в 1960–1970-х годах вокруг Успенского собора плиты без надписей положили начало изучению древнейшего этапа московского надгробия (Шеляпина, 1971), к которым позже добавились камни других древних кладбищ Кремля (ц. Козьмы и Дамиана и др., см. Панова, 2006). С 1970–1980-х годов велось систематическое исследование вынесенных при сносе Вознесенского собора саркофагов и плит, завершающееся только в наши дни (Некрополь..., 2009–2019). Тем временем полученные при работах вне Кремля материалы образовали прочную основу для

сравнительного анализа погребальных сооружений Московской Руси (см. Беляев, 1996, 2015, 2018; Русское..., 2006; Беляев и др., 2018, там же библиография). Такая информационная основа заставляет глубже интерпретировать новые находки и относиться к ним с особым вниманием.

Отметим, что в Кремле до сих пор ни одного монастырского кладбища конца XIV–XVII в. не изучено “штатно”, правильными раскопками, и работы 2015–2017 гг. следует считать первым таким опытом (результаты этих работ ИА РАН предварительно опубликованы: Археология..., 2018, о плитах и саркофагах см. с. 116–123). В их ходе обнаружено до полутора десятков сравнительно сохранных саркофагов и надгробий (общее количество более мелких фрагментов значительно больше). Все камни происходят из зоны Чудова монастыря (участок 14-го корпуса, Ивановская площадь) и вполне уверенно связываются с его некрополем (культурный слой на месте Вознесенского монастыря был почти полностью уничтожен фундаментами корпуса).

1

2

Рис. 1. Московский Кремль. Остатки некрополя Чудова монастыря. 1 — общий план захоронений, обнаруженных при раскопках в подвале 14-го корпуса (все саркофаги происходят из “среднего” яруса погребений); 2 — часть фундамента ц. Св. Алексия 1680-х годов, включающего надгробия XVI–XVII вв. Условные обозначения: *a* — музейфицированные объекты; *b* — обломки белокаменных надгробий, вмонтированных в опоры 14-го корпуса.

Fig. 1. The Moscow Kremlin. The remains of the Chudov monastery necropolis

Белокаменные погребальные объекты обнаружены: в слоях кладбища (*in situ* или переотложенными); во вторичном использовании в фундаментах монастырских построек XVI–XIX вв. и в кладках зданий советского периода (две последние группы доступны обзору не полностью, так как кладки в основном не разбирались). При всей случайности отбора

это представительная выборка, включенная в общий контекст подробно изученного кладбищенского слоя и содержащая редкие изделия индикативных форм и декора, с содержательными надписями (рис. 1).

Публикуя все значимые находки (за исключением мелких фрагментов и плит полной сохранности, но лежащих в кладке стен и открытых только боковой гранью с орнаментом из каннелюр), мы далее прокомментируем наиболее информативные и/или самые ранние изделия. При этом мы объединяем саркофаги и плиты, поскольку подземные погребальные сооружения составляли единые комплексы с надгробными камнями (иногда в прямом смысле слова). Характеристика объектов выполнена следующим образом: для саркофагов — с ориентацией на определения, предложенные Т.Д. Пановой (2004. С. 76–94); для надгробных плит — в соответствии с системой, сформулированной Л.А. Беляевым (1996. С. 268). Надписи переданы по упрощенной системе (использована, в частности, при передаче текстов XV–XVII вв. в публикациях А.В. Антонова, см., например: Памятники..., 2011). Промеры даны в последовательности: ширина саркофага (в ногах/в плечах), длина с оголовьем, высота; ширина плиты (в ногах/в головах), длина, высота. Не полностью сохранившиеся размеры даны в скобках. Оборванная работа отмечена, но врезанный характер всех остальных надписей не оговаривается.

Саркофаг № 1 (погр. 20): антропоморфный с расширением в головной части (?); оголовье не сохранилось. Размеры: 40/80×(155)×32 см; толщина стенки около 6 см. Крышка плоская цельная, без орнамента и надписи; с внутренней стороны бортик (ширина по боковой стороне 7 см, по нижнему краю 20, высота 3); толщина — около 6 см.

Саркофаг № 2 (погр. 61): антропоморфный с расширением в головной части и оголовьем; плечики плавные; дно ровное, без ступеньки в оголовье. Стенки и дно разбиты на части, у стенок значительные утраты. Размеры: 44/64×212×24/30 см; толщина стенок — 5–6 см. Крышка отсутствует (рис. 2).

Саркофаг № 3 (погр. 86): антропоморфный; многочисленные разрозненные крупные и мелкие фрагменты изножья, частью перемещенные, с большими утратами. Толщина фрагментов — 9–12 см.

Рис. 2. Московский Кремль. Работы в подвале 14-го корпуса. Некрополь Чудова монастыря. Белокаменный саркофаг XVI в. (погр. 61).

Fig. 2. The Moscow Kremlin. Works in the basement of building 14. The Chudov monastery necropolis. A white stone sarcophagus of the 16th century (burial 61)

Саркофаг № 4 (погр. 90): антропоморфный с расширением в головной части и оголовьем, с плавными плечиками. Расколот на три части, но комплектность полная, включая крышку. Ниша для головы приподнята от дна на 2–3 см. Размеры: 45/75×202×38 см. Толщина стенок — около 5 см. Крышка плоская, составная, без надписи, толщиной около 10 см (рис. 3).

Саркофаг № 5 (погр. 96): антропоморфный, с оголовьем, плечики мягких очертаний

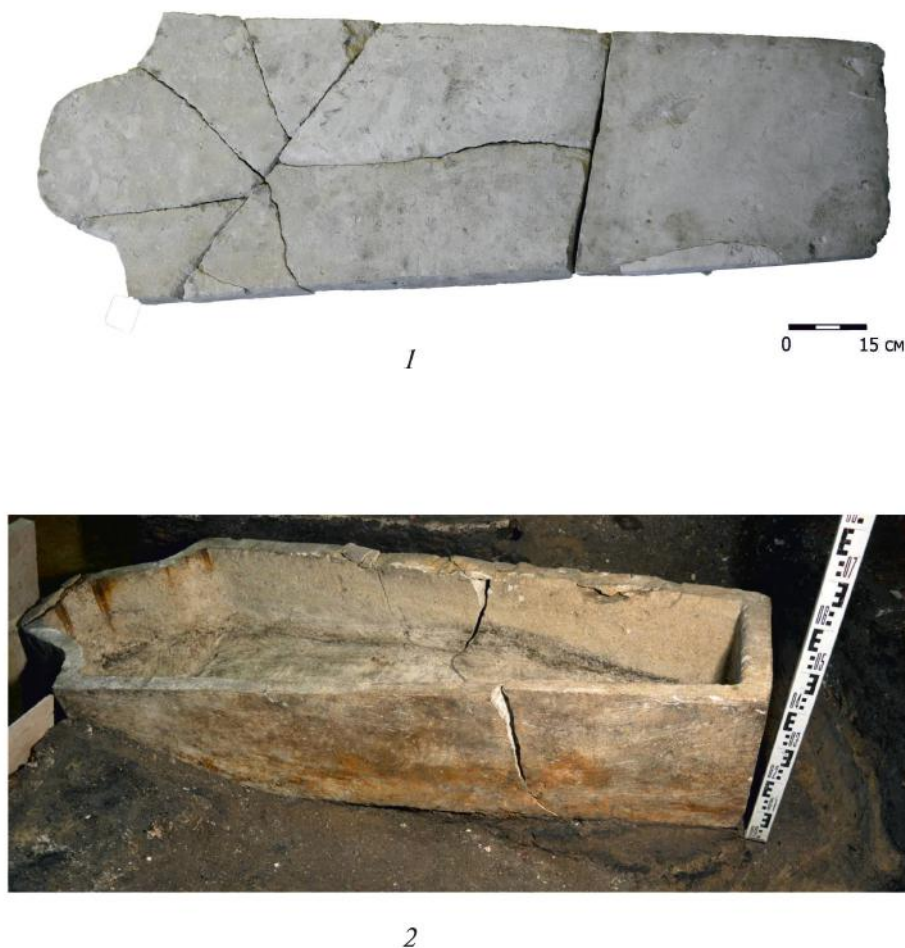

Рис. 3. Московский Кремль. Работы в подвале 14-го корпуса. Некрополь Чудова монастыря. Саркофаг XVI в. (погр. 90). 1 — крышка; 2 — в открытом состоянии.

Fig. 3. The Moscow Kremlin. Works in the basement of building 14. The Chudov monastery necropolis. A sarcophagus of the 16th century (burial 90)

(рис. 4). С внешней стороны оголовье и изножье скруглены у дна, само дно грубо обтесано. Ниша для головы приподнята от дна на 10 см. Нарушения под давлением грунта: трещины по обеим стенкам; часть дна (под грудной клеткой) выломана и перекошена; изножье сохранилось в крупных обломках, заваленных внутрь. Размеры: 54/34×205×43 см (*in situ*). Крышка — вторично использованная плита ЧМ-1 (см. ниже).

Саркофаг № 6 (погр. 100): антропоморфный (нижняя половина; левый край забетонирован в основание стены подвала 14-го корпуса). Размеры: 40/(50)×(85) см, высота — 46 см. Крышка составная, килевидная, размеры: 40/46×74 см; толщина — 7 см. Возможно, к ней принадлежал фрагмент оголовья крышки

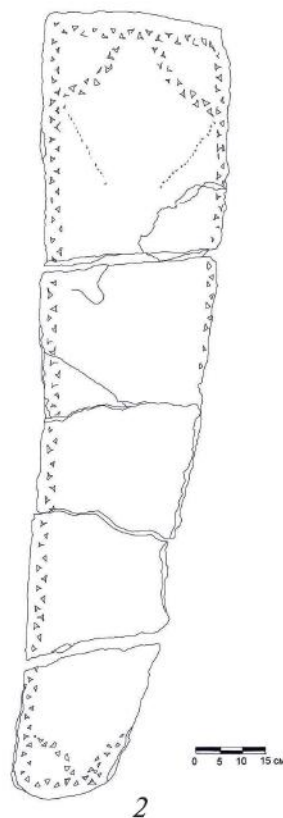
(рис. 5, 1) с килевидным выступом (длина 17, ширина 26, толщина 9 см).

Саркофаг № 7 из балластного слоя раскопа 3 (изножье крышки небольшого детского? каменного гроба, конструктивно аналогичное крышке саркофага № 1, см. выше). Сохранилось два фрагмента. Размеры: 26×(37), толщина — 6 см; бортик высотой 3, шириной 5 (по боковой стороне) и 8 (по нижнему краю) см.

Надгробие Чм-1 (погр. 96, использовано вторично как крышка саркофага). Расколото на семь крупных фрагментов; поверхность выхожена. Плита плоская, края скруглены. Размеры: 42/48-49×199×8.5 см. Надписи нет. Орнамент: лента противостоящих редких равносторонних треугольников, в графье. Композиция антропоморфная неустойчивая: бордюр по периметру; дуговые тяги в головной и

1

2

3

4

Рис. 4. Московский Кремль. Работы в подвале 14-го корпуса. Некрополь Чудова монастыря. Саркофаг XV (?) в. (погр. 96). 1 — верхняя часть белокаменной надгробной плиты XIV–XV вв. (вторично использована в качестве крышки саркофага); 2 — надгробная плита XIV–XV вв. (прорисовка); 3 — погребение после снятия крышки саркофага; 4 — закругление в нижней части изголовья.

Fig. 4. The Moscow Kremlin. Works in the basement of building 14. The Chudov monastery necropolis. A sarcophagus of the 15th (?) century (burial 96)

1

2

Рис. 5. Московский Кремль. Работы в подвале 14-го корпуса. Некрополь Чудова монастыря. Части белокаменных погребальных сооружений. 1 – саркофаг XV–XVI вв. (погр. 100) с килевидной крышкой (изножие); 2 – надгробная плита первой половины XVI в. с орнаментом “волчий зуб” (изножие).

Fig. 5. The Moscow Kremlin. Works in the basement of building 14. The Chudov monastery necropolis. Parts of white-stone funerary structures

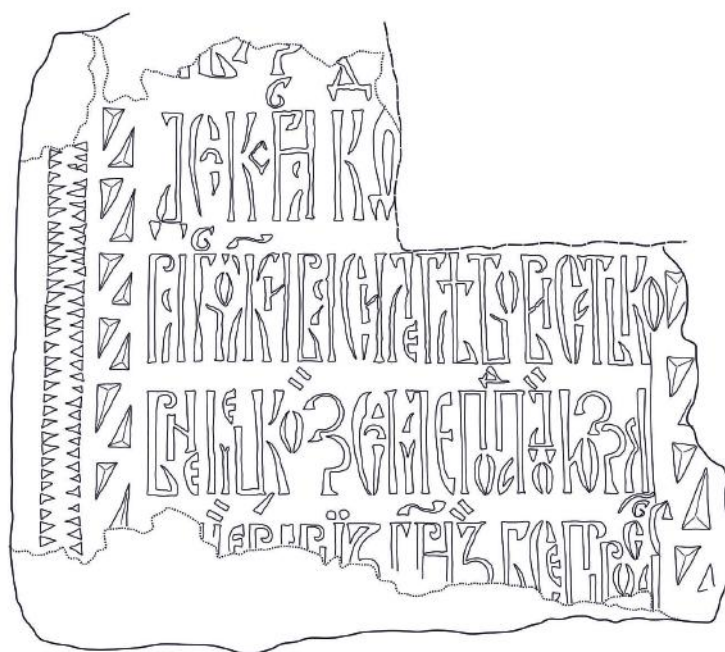
ножной частях; в головной части от дугowych тяг идут прямые ленты очень мелких, клиновидных треугольников. Обратная сторона плиты грубо обтесана. Конец XIV в. (?) (см. выше, рис. 4).

Надгробие Чм-2 (заполнение ямы, впущенной с горизонта монастырского строительства

XIV–XVI вв. в культурный слой XIII–первой половины XIV в.). Два фрагмента размерами: $28 \times (16) \times 8-10$ и $21 \times (11) \times 8-10$ см. Плита плоская. Орнамент: лента противостоящих редких равносторонних треугольников, в графье. Композиция: антропоморфная неустойчивая (?), бордюр по периметру. Нижняя сторона грубо

1

2

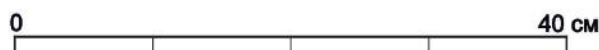

Рис. 6. Московский Кремль. Работы в подвале 14-го корпуса. Некрополь Чудова монастыря. Надгробная плита Василия Глебовича Салтыкова, погибшего “в Немецкой земле под Пайдою”. Около 1573 г. Фрагмент (вторично использован в кладке основания колонны 1930-х годов). 1 – фотография; 2 – прорисовка.

Fig. 6. The Moscow Kremlin. Works in the basement of building 14. The Chudov monastery necropolis. The tombstone of Vasily Glebovich Saltykov, who died “in German land at Paidia”. Circa 1573. A fragment (reused in the setting of the column base in the 1930s)

обтесана (края фрагмента 2 отесаны при вторичном употреблении, на поверхности следы известкового раствора). Вторая половина XIV–XV в.

Надгробие Чм-3 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; вместе с № 6, 13 и 14; Р. 1, уч. 3, кв. 47; Р. 3, уч. 1, кв. 20. Гл. -161). Плита плоская. Размеры: $(16,5) \times (34) \times 8$ см. Орнамент: рельефная зигзагообразная полоса, разделяющая два ряда мелких равнобедренных треугольников; процарапанная поперечная линия — графья? Композиция: антропоморфная устойчивая? Конец XV — начало XVI в.

Чм-4 (слой строительного мусора под полом подвала 14-го корпуса; Р. 2, уч. 1). Изножье. Плита плоская, трапециевидная. Размеры: $49,5/(52) \times (66) \times 10,5$ см. Орнамент: мелкие вытянутые треугольники (вдоль нижней грани лента в 3 ряда, вдоль боковых ребер и по средней линии — 2 ряда). Композиция: антропоморфная устойчивая (рис. 5, 2). XVI в.

Чм-5 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 2, уч. 3.1, кв. 8, 16. Гл. -165). Два фрагмента. Фрагмент 1: длина — (32) см, ширина — (34) см. Фрагмент 2: размеры — $(16) \times (12)$ см. Высота — 9 см. Плита плоская. Орнамент: два ряда мелких вытянутых треугольников. Фиксируются фрагменты рамки и дуговой тяги. Композиция антропоморфная устойчивая. XVI в.

Чм-6 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; рядом с фрагментом надгробия или крышки саркофага № 13; Р. 1, уч. 3, кв. 38-39. Гл. -203). Два фрагмента: $(27,5) \times (20) \times 10$ см и $(24) \times (20) \times 10$. Плита плоская. Орнамент: сдвоенные ленты противостоящих мелких вытянутых треугольников. Композиция антропоморфная устойчивая (бордюр и средняя разделительная линия). XVI в.

Чм-7 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 1, уч. 1, кв. 14; 22. Гл. -206). Верхняя часть плиты с надписью. Плита плоская $51 \times (41) \times 10$ см. Орнамент: ленты противостоящих треугольников и “косынки”. Композиция: антропоморфная устойчивая: бордюр по краю из ленты и рамки (внешняя лента — из противостоящих мелких вытянутых треугольников (“волчий зуб”), внутренняя — из крупных прямоугольников, разделенных диагональю на треугольные поля, или “косынки”).

Надпись в пять строк нарезана искусной вязью, характерной для лучших образцов середины XVI в. (ромбический кузовок у буквы “аз” и др.). Правый верхний угол недоступен; от первой строки видны нижние части букв; в пятой — верхние части букв, на различную высоту. Употребляются выносные буквы и титло; лигатуры и вписывания довольно часты. Пропорции букв умеренно вытянутые, вертикальные линии прочерчены глубоко и достаточно широки — шрифт еще не приобрел подчеркнутого вертикализма и проволочного характера линий, которые обычны у плит третьей четверти XVI в., однако буква к букве уже очень плотно собраны (рис. 6).

Чтение: Ле[та] 7...// декабря 29 д(ень)... // раб Божи[й] Василе[й] Глебови[ч] Салтыко[в] // в немецкой земле под Пайдою за // [святую] [ц]ер[ко]в[ь] и з[а] г(осудар)я и з[а] всех правосл[авных] хрест[ьян].

1572 или 1573 г. (дата восстанавливается по источникам о Ливонской войне).

Василий Глебов сын Салтыков упомянут в числе дворян, погибших при взятии крепости Пайды в Ливонии в 1572 г., в Пискаревском летописце (Полное собрание..., 1978. С. 192), а также в так называемом Синодике убиенных во брани, хранящемся в Российской национальной библиотеке (Памятники..., 2011. С. 213). Следует отметить, что дата, указанная на надгробии (29 декабря), расходится с датой, упомянутой в синодике (7 февраля 7081 (1572/1573) г.). Кроме того, обращает на себя внимание написание имени погребенного с “вичем”, что предполагало статус боярина, каковым В.Г. Салтыков, очевидно, не обладал (в Пискаревском летописце он назван среди дворян, а в Разрядной книге 1475–1605 гг. не только не назван боярином, но и не упомянут среди лиц, занимавших какие-либо командные должности при походе под Пайду). Представители фамилии Салтыковых, принадлежавшей к потомкам Миши Прушанина — одному из древнейших родов московской аристократии, отмечены среди похороненных в Чудовом монастыре в списке лиц, погребенных в Кремле, составленном Т.Д. Пановой преимущественно по данным обнаруженных надгробных плит. Кроме того, в данном списке фигурируют пять представителей фамилии Морозовых, ветвью которых стали Салтыковы (Панова, 2003).

Чм-8 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 2, уч. 2.2, кв. 23. Гл. -218).

Фрагмент оголовья; поверхность сильно стерта. Размеры: 60×(38)×30.5 см. Плита высокая. Орнамент лицевой грани: жгутовой (косичка); по левому и части верхнего края утрачен. Орнамент боковых граней: каннелюры в кайме (насечка; трехгранно-выемчатая резьба). Сохранилось начало двух строк (высота букв 10–11 см, промежуток между строками 5 см). Чтение: Лета 7140 (1631/1632 г.) году // марта ... 1632 г.

Чм-9 (перекопы XX–XXI вв. в шурфе 4 на Ивановской площади — 2 фрагмента; кладка восточной стены фундамента ц. Св. Алексия митрополита 1680-х годов — 1 фрагмент). Плита высокая, трапециевидной формы. Размеры: 62/67×(112)×32 см. Орнамент лицевой грани: жгутовой (косичка). Композиция антропоморфная поздняя. Орнамент боковых граней: каннелюры в кайме насечек и трехгранно-выемчатой ленты. Надпись в семь строк: высота букв 9–11 см, промежуток строк — 4 см.

Шрифт надписи — типичная для XVII в. вязь характерных пропорций: в это время мачты вновь утолщаются и укорачиваются, буквы расставляются довольно свободно, с просветами и довольно широкими просветами строк (рис. 7).

Чтение: Лета 71... [се]//нтебр[я] 20 [дня] на са ... // Еустаифя и ... аяныи // преставися раб Божий Семион // прозвище Ратман Андрееви[ч] // Вельяминов во иноцех Серапи//он схимник.

Написание отчества с “вичем” говорит о высоком социальном статусе погребенного. Семен Андреев сын Вельяминов, по прозвищу Ратман — представитель аристократического рода Вельяминовых-Зерновых, участник событий Смутного времени, пожалованный вотчиной в Ржевском уезде за “московское осадное сиденье” при царе Василии Шуйском (Осадный список..., 2009. С. 403) и занимавший должность воеводы в ряде городов (в том числе в Новгороде, и около 1615 г. в Туле). Он умер около 1625 г., что соответствует орнаментике и палеографии плиты.

Около 1625 г. Дата по письменным источникам.

Чм-10 (фундамент ц. Св. Алексия митрополита 1680-х годов; *spolia*). Сохранилась полностью, но разбита на части. Фиксации было доступно менее двух третей лицевой грани. Плита высокая, трапециевидная. Размер: 54 (в 85 см от изголовья)×64×157×31 см. Орнамент

Рис. 7. Московский Кремль. Работы на Ивановской площади. Надгробная плита Семена (Ратмана) Андреевича Вельяминова. Около 1625 г. Происходит из некрополя Чудова монастыря. Использована вторично при строительстве фундамента ц. Св. Алексия 1680-х годов.

Fig. 7. The Moscow Kremlin. Works on Ivanovskaya square. The tombstone of Semen (Ratman) Andreevich Veliyaminov. Circa 1625. Originates from the Chudov monastery necropolis. Reused in the construction of the foundation of St. Alexius church in the 1680s

лицевой грани: жгутовой (косичка). Композиция антропоморфная поздняя; верхнее клеймо крупное и занимает почти все изголовье, так что надпись фланкирует только нижнюю треть круга; нижнего клейма и разделителя на открытой части плиты не видны (вероятно, оттеснены в самый низ). Орнамент боковых граней: каннелюры в лентах насечки и трехгранно-выемчатой резьбы.

Все видимое поле внутри рамки занято надписью (соотношение текста и орнамента, характерное для второй трети XVII в.). Шрифт — глубоко врезанная, искусно построенная вязь.

Рис. 8. Московский Кремль. Работы на Ивановской площади. Надгробная плита слуги Чудова монастыря Павла (Богдана) Родионова 1630 г. Использована вторично в кладке фундамента ц. Св. Алексия 1680-х годов.

Fig. 8. The Moscow Kremlin. Works on Ivanovskaya square. The tombstone of the servant of the Chudov monastery Pavel (Bogdan) Rodionov, 1630. Reused in the setting of the foundation of St. Alexius church in the 1680s

Ее пропорции характерны для своего времени, буквы расставлены довольно свободно, с просветами (в отдельных случаях слова разделены пробелами); часть слов начата с прописных; используется вытягивание букв выше строки (П, Т), причем не только заглавных, но и строчных, в том числе внутри слов. Многочисленны выносы, титла, лигатуры и вписывания. Ширина просветов между строками более половины высоты строки (но в нижней части плиты — меньше), так что вся композиция выглядит очень свободной и парадной. Высота букв: прописные — 90 мм, строчные — 72, промежуток строк — 40 (рис. 8).

Читается семь строк: Ле[та] 7138 (1629/1630) // апреля в 22 [день] на память // преп[одобного] отца нашего Фе//дора С[и]киота прест//[а]ви[ся] раб Божи[й] Чюдова// м(о)н(а)ст(ы)ря слуга Павел // Радионов прозвище // Богдан ...

Чм-11 (фундамент ц. Св. Алексия митрополита 1680-х годов; *spolia*). Фрагмент (изножье). Плита высокая. Размеры: Длина 59×(66)×22 см. Орнамент лицевой грани: жгутовой (косичка); композиция антропоморфная поздняя. Орнамент боковых граней: глубокие каннелюры в лентах редкой насечки, нависающих карнизом. Надпись отсутствует (возможно, была выше, на изголовье). Конец XVI — первая половина XVII в.

В той же кладке вторично использованы еще два фрагмента того же (?) надгробия, с аналогичной орнаментацией боковых граней, но их лицевая грань не была доступна.

Чм-12 (восточный фундамент ц. Св. Алексия митрополита 1680-х годов; *spolia*). Плита высокая. Размеры: 70 (изголовье)×(100)×32 см. Орнамент лицевой грани: жгутовой (косичка); композиция антропоморфная поздняя. Орнамент боковых граней: каннелюры в лентах насечки и трехгранно-выемчатой резьбы. Конец XVI — первая половина XVII в.

Чм-12 и Чм-13 — см. ниже, *dubia*.

Чм-15 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 1, уч. 4, кв. 20; 28. Гл. -245/-270). Фрагмент высокой плиты. Размеры: 60 (ширина)×25 (высота) см. Орнамент лицевой грани: жгутовой (косичка). Надпись развитой вязью в технике оброна (буквы на выбранном поле). Сохранилось две строки с высотой букв 6 см, промежуток строк — 3. Чтение: ... к Чюдову м[онастырю]//... раба бо- жия боя... Вторая четверть (?) XVII в.

Чм-16 (подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 1, уч. 4, кв. 28. Гл. -168). Фрагмент высокой плиты XVII в. Размеры: (40)×(18)×23 см. Орнамент боковой грани: каннелюры.

Чм-17 (в основании колонны в подвале 14-го корпуса; Р. 3, уч. 4, кв. 25. Гл. около -200). Фрагмент высокой плиты. Орнамент боковой грани: каннелюры. XVII в.

Для части фрагментов осталось неясным, принадлежат они крышкам саркофагов или (что более вероятно) могильным плитам.

Dubia № 1 (Чм-13; подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 1, уч. 3, кв. 39. Гл. -203). Размеры камня: ширина — 20, длина — 31.5, высота — 8 см. Боковая сторона имеет заметный наклон внутрь. Орнамент отсутствует. Сохранились четыре буквы надписи высотой 12.5 (*глаголь*), 7 (*омикрон*) и 5 (выносной слог *ду*) см. Читается: ... году

Вторая половина XVI — первая половина XVII в.

Dubia № 2 (Чм-14; подвал 14-го корпуса, основание колонны 1930-х годов; Р. 3, уч. 1, кв. 21. Гл. -198). Два фрагмента правого края плоского (высота 14 см) камня (29×32 и 25×24 см). Без орнамента. Вторая половина XVI — середина XVII в.

Читаются остатки надписи буквами высотой 10.5 см: верхний фрагмент: "...е.....//...(?)или- на жена// ...ва" (от третьей строки сохранилась верхняя часть букв); нижний фрагмент: "... зова" (верхняя часть букв отсутствует).

Суммируем и прокомментируем наблюдения. Саркофаги представлены, во-первых, отдельными обломками; во-вторых, крупными блоками (на местах или переотложенными); наконец, целиком сохранными, иногда под закрытой крышкой. Показательно уже само их обилие в слое кладбища, определенное его элитным характером. Это окончательно рассеивает сомнения в использовании белокаменных гробов на открытых кладбищах, вне стен храмов.

Как условно цельные можно рассматривать шесть саркофагов (погребения 20, 61, 86, 90, 96 и 100 рабочей нумерации), что близко к 5% всех обнаруженных на раскопанных участках захоронений. Саркофаг погребения 20 дошел до нас не целиком (изголовье с верхней частью скелета утрачено), но остальной костяк не потревожен; крышка плоская. Сходен с

ним целый саркофаг без крышки из погребения 61, со слабо выраженным округлым оголовьем. Саркофаг погребения 86 представлен фрагментами головного и ножного отделов, но в них на своих местах сохранились кости, следовательно, это цельное погребение, хотя из-за больших утрат трудно описать изделие подробнее. Саркофаг погребения 90, сохранившийся полностью, близок к образцам погребений 20 и 61, но признаки типа (сужение к ногам, округлое асимметричное оголовье) выражены слабо. Нижняя половина саркофага погребения 100 также сохранила внутри костные останки и часть крышки, поверхность которой имеет два ската, отлого поднимающиеся к оси и образующие ребро.

Типологически все саркофаги относятся к группе антропоморфных трапециoidalных с выраженным оголовьем и прямыми стенками, московского типа. Каменная подушка в изголовье отмечена в двух погребениях (№ 90, 96), в одном (№ 61) — дно ровное, в остальных четырех случаях сохранность оголовий недостаточна для суждения. Отверстий в дне нет (они вообще редки у древнерусских каменных гробов, но довольно обычны в европейских). Крышки цельные (плоские или скатные) или же составные плоские. Стратиграфия свидетельствует об их общей принадлежности к среднему слою кладбища, т.е. в абсолютных датах — ко второй половине XV–XVI в. Это время наибольшего распространения каменных антропоморфных саркофагов: его появление, при всей размытости нижней границы, можно относить к концу XIV столетия, а последние примеры не уходят выше 1650-х годов.

Можно ли конкретизировать даты изделий за счет анализа признаков? Т.Д. Панова (2004. С. 87) полагала наиболее выразительным и изменчивым хронологическим индикатором форму оголовья, но этот признак работает далеко не всегда. Разнообразие порождали вкусовые предпочтения, а также приемы тех или иных мастеров, что наглядно доказано на материале самого полно изученного некрополя Новоспасского собора П.Ю. Черносвитовым (2003, 2005) и поддержано дальнейшими наблюдениями (так, для XVI в. рисунок оголовий саркофагов Вознесенского собора не менее разнороден). Зато привлечение таких элементов, как оформление боковых граней и, особенно, затеска днища оголовья при сохранении граненой крышки (признак восходит к ящичным саркофагам XIII в.), дают

основания для уточнения дат вплоть до полу-столетия (Беляев, 2018).

Но по отдельности даже архаические детали не способны состарить погребение, иногда они встречаются и в XVI в. Это, видимо, относится к шипцовой крыше саркофага погребения 100. Более убедительны ранние признаки у саркофага погребения 96. Он в нижней части округло отесан, особенно в оголовье; стесаны и нижние края длинных граней. В результате саркофаг обрел явные черты деревянной лодки или колоды, которые для изделий развитого типа не характерны — там господствуют линии, близкие к прямым, и выровненные плоскости. Возможно, следует учесть широкое оголовье, мало выступающее за линию плеч, с относительно прямыми контурами, и высокую “подушку”. Ширина стенок колеблется, да и вся теска выглядит непрофессиональной. Вполне вероятно, что саркофаг тесал непривычный к работе с камнем мастер, стремившийся придать ему форму деревянной колоды — возможно, более ему знакомую.

О случайном подборе элементов погребения говорит и полностью сохранившаяся крышка саркофага погребения 96. Это трапециевидная доска очень вытянутых пропорций, без оголовья, ранее служившая надгробной плитой и явно использованная вторично. Она обладает признаками архаичных плит: тонкая (9 см), недотесанная до правильной трапеции, но при этом украшенная орнаментом архаичного типа из крупных нерегулярных треугольников. Бордюр строго следует неправильно-стям по периметру, имея скорее вид свободной строчки или шитья, чем прочерченной линии. И в изголовье, и в ногах углы отчеркнуты четвертями окружности (рудименты угловых акротириев), однако это не дает полной симметрии: плита сильно сужена к ногам, а в изголовье есть дополнительный элемент: от краев четвертей к центру плиты отходят, соединяясь там, две прямые ленты из мелких треугольников в одну линию. Судить о том, были ли в середине еще какие-то элементы, трудно — поверхность сильно заполирована при ходьбе (видимо, изначально плита лежала над погребением внутри храма).

С точки зрения хронологии, оформление крышки сочетает ранние черты (неправильная форма, тип треугольников, следование краю плиты, симметрическое отчеркивание по четырем углам), так и более поздние, говорящие о развивающемся антропоморфизме

(узкое изножие; стремление подчеркнуть грудной отдел расширяющимися к плечам линиями). Дата плиты (особенно учитывая выхоженность) — не ранее конца XIV в. Как датируется само погребение, сказать трудно — возможно, серединой—второй половиной XV столетия. Аналоги плите/крышке есть в Кремле (кладбище Успенского собора), в монастырях московского посада (Алексеевский/Зачатьевский, Богоявленский), а также на кладбище монастыря Рождества Богородицы во Владимире (см. Беляев и др., 2018).

Из других надгробий к XIV–XV вв. могут относиться два фрагмента плиты № 2, происходящие из перекопа, начатого со слоя строительства XV–XVI вв. По оформлению они близки к плите/крышке саркофага из погребения 96: орнамент нарезан двумя рядами редко расположенных противоположащих равносторонних треугольников. Концом XV — началом XVI в. датируется, видимо, фрагмент плиты с орнаментом из мелких равносторонних треугольников, разделенных рельефной зигзагообразной линией, обнаруженный в основании одной из опорных колонн подвала 14-го корпуса (см. Чм-3).

Для XVI в. следует упомянуть нижнюю треть доски (из перекопанного слоя в раскопе 2) с тремя линиями треугольников вдоль нижнего ребра и двойной линией вдоль боковых ребер (Чм-4). Это стандартная продукция своего времени. Фрагменты плит с орнаментом из мелких вытянутых треугольников, датируемые XVI в. (Чм-5 и Чм-6), обнаружены также в основаниях двух колонн в подвале 14-го корпуса и в разрушенной части фундамента ц. Св. Алексия 1680-х годов.

К XVI в. относится и плита Чм-7. Она крайне интересна с точки зрения эпиграфики. Камень обнаружен в цоколе колонны 1930-х годов, и надпись видна не полностью. Дата утрачена, но орнамент ясно указывает на середину—третью четверть XVI в. Текст сообщает о гибели 29 декабря Василия Глебовича Салтыкова “в Немецкой земле под Пайдою за святую церковь и за государя и за всех православных хрестьян”. Источники подтверждают, что Василий Глебов сын Салтыков погиб при взятии этой известной крепости в Ливонии в 1572 или 1573 (указывается другой день и месяц: 7 февраля 7081 г.).

Текст в его последней строке реконструирован В.С. Курмановским предположительно, но с высокой степенью надежности. Для

эпохи Московского царства он уникален. Традиционный формуляр обогащен не только сведениями о месте и обстоятельствах гибели, о чем для окончивших жизнь на государственной службе иногда упоминают, хотя в самой Москве и нечасто (известный пример — плита с записью о гибели в 1607 г. стольника Ю.Ю. Мещерского “на государеве службе под Калугою”, см. Рабинович, 1951. 1. С. 62). Такие тексты обычны в надгробных досках Псково-Печерского монастыря, где годы Ливонской войны появится серия керамид с текстом “убиен бысть” и последующим уточнением, где и кем. С середины XVII в. такие надписи умножатся вновь, причем в них будет особо подчеркнут жертвенный характер гибели “на государеве службе”, “за государя царя”, “за великого государя” (см. Плешанова, 1966, 1978).

Но в столь развитой, как на плите Салтыкова, форме нравоучительно-панегирические сентенции до сих пор на плитах не были известны. Применение близких формул более распространено в церковных записях. Определенно аналогичны записи в синодниках для государственного поминовения погибших в сражениях XV—начала XVII в., дошедших до нас в списках XVII в.: “Иже избивенным в Суздале от безбожнаго Мамутека за православную веру ...”; “Православному царю Константину Цароградскому, поборавшему по Христове церкви и за святыи Царьград, и за православное христианство скончавшомуся от безбожных турков...”; “Стояшим на бреже Оки реки противу нечестиваго царя Крымскаго Магмет-Кирея ... храбръствовавшим и пострадавшим за святыя церкви и за православную веру ...” (Памятники..., 2011. С. 172–176).

Феномен появления указаний на смерть в бою, также как и сама частота развернутых надписей на плитах именно периода Ливонской войны, заслуживают специального внимания с точки зрения формирования церковно-государственной идеологии XVI в.

Надгробными плитами, которые относились преимущественно к первой половине XVII в., в значительной части сложен фундамент ц. Св. Алексия 1680-х годов (изучен в шурфе 4 на Ивановской площади). Те, на которых нет надписей (или они не видны в кладке), датируются по орнаментальным признакам (Чм-11, Чм-12 и др.). Читаемые надписи заслуживают специального комментария.

Такова плита Чм-9. Два ее крупных фрагмента, переотложенные в поздний слой, были обнаружены вблизи фундамента Алексиевской церкви 1680-х годов, но на разных участках, и первоначально отнесены к двум плитам. На одном из них читался обрывок имени “Рат... Вельяминов”, на другом — “... Андреевич ... во иноцех Серапион схимник”. Обращение за помощью к коллегам историкам позволило выяснить, что в синодике Чудова монастыря середины XVII в., сохранившемся в фондах Российской государственной библиотеки в Санкт-Петербурге, упомянут единственный схимник Серапион, имевший отчество Андреевич, прозвище Ратман и фамилию Вельяминов¹. Предпринятое совмещение фрагментов убедительно продемонстрировало их принадлежность к одному надгробию. Затем путем подбора была установлена принадлежность плите Ратмана Вельяминова и третьего фрагмента, находящегося в кладке фундамента ц. Св. Алексия. Из источников известно, что умер Р.А. Вельяминов в 1625 г.

Плита Чм-10, монастырского слуги Павла (Богдана) Родионова по прозвищу Богдан, умершего 22 апреля 7138 (1629/1630) г., интересна в социально-историческом отношении и для пополнения “монастырского синодика”. Монастырские слуги (или служки) — категория монастырских людей, выполнявших различные поручения и занимавших в структуре монастырского хозяйства “командные” должности (над “служебниками”, крестьянами и “монастырскими детенышами”). Положение монастырских слуг могло быть наследственным, но они могли также выслужиться из “монастырских детенышей” или происходить из мелких вотчинников. Обязанности слуг по отношению к монастырю определялись условиями заключенного “ряда”. В ряде случаев положение слуг по отношению к монастырю оказывалось близким к положению холопов. Слуги за свою деятельность получали вознаграждение в виде денежного и продуктового жалования. При этом положение таких слуг отчасти сближалось с положением низшего слоя служилого населения. Так, наказ Бориса Годунова 1601 г. запрещал верстать монастырских слуг (наряду с поповскими и мужичьими детьми, а также боярскими холопами) поместьями окладами; в 1642 г. монастырским

слугам (вместе с боярскими людьми) было запрещено владеть вотчинами (Огрызко, 1955).

Ценную информацию содержат даже части плоских плит с надписями, но без орнамента, функции которых не вполне ясны: логично относить их к крышкам саркофагов, но они могли принадлежать и памятным доскам-надгробиям (пример неорнаментированной памятной плиты — надгробие из Хитровского переулкa в Москве, с записью о смерти Анастасии Алексеевой жены Шапилова и их сына Никиты, умерших, соответственно, в 1593 и 1595 гг. см. Гиршберг, 1960. № 91).

Из них внимания заслуживают фрагменты плиты Чм-14 (dubia № 2) с надписью: “...илина жена //...зова”. Учитывая специфическое завершение фамилии, можно гипотетически предположить связь погребенной с аристократическим родом Морозовых, для пяти представителей которого известно, что они погребены в Чудовом монастыре. Напомним, что в непосредственной близости от плиты Чм-14 и также в основании колонны XX в. лежит надгробие В.Г. Салтыкова (см. Чм-7). Фамилия Салтыковых, как упомянуто выше, — отделившаяся ветвь Морозовых. В случае принадлежности погребенной к этой семье и с учетом состава мужских имен Морозовых, можно предложить вариант реконструкции чтения: “... Михайлина жена Морозова”. Имя Михаил (Михайло) в XVI—первой половине XVII в. носили двое представителей рода: Михаил Яковлевич Морозов-Поплевин (казнен вместе с женой и двумя сыновьями в 1573 г.) и Михаил Иванович Морозов (последний представитель Морозовых по мужской линии, умер в марте 1678 г.). Форма объекта и характер почерка говорят против датировки второй половины XVII в., что позволяет исключить вторую кандидатуру. В таком случае объект предположительно можно связать с Евдокией Дмитриевной, супругой М.Я. Морозова, урожденной Бельской.

Стоит отметить, что в короткой и случайной выборке из шести более-менее полно читаемых надгробных надписей сам Чудов монастырь упомянут в двух случаях. Это очень высокий процент: в других монастырях такие указания — редчайшие, единичные исключения, там принадлежность к обители (даже для плит игуменов) подразумевалась через место упокоения. Очевидно, что постриг и даже службу в Чудовом монастыре рассматривали

¹ Приносим глубочайшую благодарность А.И. Алексееву (РНБ), Е.Н. Горбатову (РГАДА) и А.П. Павлову (СПбГУ).

как значимое отличие, подчеркивая это в эпитафиях.

Таким образом, интерпретация погребальных белокаменных сооружений XIV–XVII вв. из работ 2015–2017 гг. позволяет, вкупе с другими данными археологии и антропологии, расширить имеющиеся данные о социальном облике и личном составе погребенных, выявить надгробные сооружения, принадлежавшие историческим личностям, известным по письменным источникам, а также охарактеризовать в целом некрополь одной из влиятельнейших духовных корпораций Московской Руси — Чудова монастыря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология Московского Кремля. Раскопки 2006–2017 гг. / Ред.: Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2018. 164 с.
- Беляев Л.А. Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию академика Н.А. Макарова / Ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 365–374.
- Беляев Л.А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 219–232.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М.: Модус Граффити, 1996. 572 с.
- Беляев Л.А., Глазов В.П., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М. Погребальные сооружения XII–XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 годов) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018. С. 62–72.
- Гиришберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I: Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3–77.
- Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований: в 4 т. / Ред.-сост. Т.Д. Панова. М.: Московский Кремль, 2009–2019. 3 т. (367, 414, 395, 447 с.).
- Огрызко З.А. Слуги Спасо-Прилуцкого монастыря XVI–XVII вв. // Из истории крестьянства XVI–XVII вв. / Ред. С.С. Дмитриев. М.: Госкультпросветиздат, 1955 (Труды ГИМ; вып. 27). С. 8–30.
- Осадный список 1618 г. / Сост.: Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. М.; Варшава: Древлехранилище, 2009 (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв.; т. VIII). 682 с.
- Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2011. 554 с.
- Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М.: Московский Кремль, 2003. 71 с.
- Панова Т.Д. Ранний этап развития московского надгробия. Материалы XIV–XVI вв. Из собрания музея-заповедника Московский Кремль // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1 / Ред., сост. Л.А. Беляев. М.: Наука, 2006. С. 31–36.
- Панова Т.Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // СА. 1987. № 4. С. 110–122.
- Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радунница, 2004. 183 с.
- Плешанова И.И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. М.: Наука, 1966. С. 149–206.
- Плешанова И.И. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. Т. XII. М.: Наука, 1978. С. 63–185.
- Полное собрание русских летописей. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.
- Рабинович М.Г. Основные итоги археологического изучения Москвы // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 59–66.
- Рогозина М.Г. Ремонтно-реставрационные работы в Архангельском соборе в фотографиях 1905 года Карла Фишера из коллекции ГНИМА им. А.В. Щусева // Московский Кремль XV столетия. Архангельский собор и колокольня “Иван Великий” Московского Кремля. 500 лет. М.: Арт-Волхонка, 2013. С. 54–65.
- Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1 / Ред., сост. Л.А. Беляев. М.: Наука, 2006. 358 с.
- Солнцев Ф.Г. Древности российского государства: в 13 т. Отделение I. Альбом. М.: Тип. А. Семана, 1849. 228 с.
- Сумароков А.П. Надписи, означающие лета преставления высочайших персон фамилии царской в московском Архангельском соборе опочивающих // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Ноябрь. С. 387–404.
- Черносвитов П.Ю. Белокаменные саркофаги в Новоспасской усыпальнице и русских городских некрополях: сравнительный анализ и вопросы датирования // Проблемы комплексного изуче-

ния церковных и монастырских некрополей / Ред. А.К. Станюкович. Звенигород, 2003. С. 28–43.

Черносвитов П.Ю. Белокаменные саркофаги в Новоспасской усыпальнице и русских городских некрополях: сравнительный анализ и вопросы датирования // Усыпальница дома Романовых

в Московском Новоспасском монастыре / Ред. А.К. Станюкович. Кострома: Линия График Кострома, 2005. С. 63–71.

Шеляпина Н.С. Надгробия XIII–XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // СА. 1971. № 3. С. 284–289.

WHITE STONE SARCOPHAGI AND TOMBSTONES OF THE CHUDOV MONASTERY NECROPOLIS FROM EXCAVATIONS IN THE MOSCOW KREMLIN IN 2015–2017

Nikolay A. Makarov*, Leonid A. Belyaev**, Vladimir S. Kurmanovsky***

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: nmakarov10@yandex.ru

**E-mail: labeliaev@bk.ru

***E-mail: kurmanovskiy@mail.ru

The article publishes stone burial structures discovered during excavations of the Institute of Archaeology RAS (2015–2017) in the cemetery area of the Miracle of Archangel Michael in Chonae monastery (Chudov) in the Moscow Kremlin. One of the oldest and most famous, this monastery was completely destroyed in the 1930s. Its necropolis has never been studied at site. All sarcophagi belong to the Moscow type of anthropomorphic stone coffins: trapezoid and with round headband of the 16th century. Tombstones date back more widely – from the late 14th to the first half of the 17th century. Among the inscriptions, there is a unique one that uses the death reference wording “for the Tsar and all Orthodox Christians” during the siege of Paidra fortress in 1572–1573 in the course of the Livonian War. Other texts name monastic servants and court nobility of the 17th century.

Keywords: sarcophagi, tombstones, epigraphy, cemetery, Moscow State, Kremlin, the Miracle of Archangel Michael in Chonae monastery.

REFERENCES

- Arkheologiya Moskovskogo Kremlya. Raskopki 2006–2017 gg. [The archaeology of the Moscow Kremlin. Excavations of 2006–2017]. N.A. Makarov, V.Yu. Koval', eds. Moscow: IA RAN, 2018. 164 p.
- Belyayev L.A., 1996. Russkoye srednevekovoye nadgrobiye [Russian medieval tombstones]. Moscow: Modus Graffiti. 572 p.
- Belyayev L.A., 2015. Notes on the history of anthropomorphic sarcophagi in Europe and Russia. *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu akad. N.A. Makarova* [Towns and villages of medieval Rus: archaeology, history, culture: to the 60th anniv. of Acad. N.A. Makarov]. P.G. Gaydukov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 365–374. (In Russ.)
- Belyayev L.A., 2018. The chronology of anthropomorphic sarcophagi in medieval Russia of the 15th–17th centuries. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 252, pp. 219–232. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Glazov V.P., Zykov P.L., Ioannisyan O.M., 2018. Funerary structures of the 12th–15th centuries on the site of the Cathedral of the Nativity of the Virgin in Vladimir (based on the materials from the works of 1997–2000). *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba... K yubileyu A.E. Leont'yeva* [Past fate of the native land... To the anniv. of A.E. Leontyev]. Moscow: IA RAN, pp. 62–72. (In Russ.)
- Chernosvitov P.Yu., 2003. White stone sarcophagi in the New St. Saviour tomb and Russian urban necropolises: a comparative analysis and dating issues. *Problemy kompleksnogo izucheniya tserkovnykh i monastyrskikh nekropoley* [Issues of a comprehensive study of church and monastery necropolises]. A.K. Stanyukovich, ed. Zvenigorod, pp. 28–43. (In Russ.)
- Chernosvitov P.Yu., 2005. White stone sarcophagi in the New St. Saviour tomb and Russian urban necropolises: a comparative analysis and dating issues. *Usypal'nitsa doma Romanovykh v Moskovskom Novospasskom monastyre* [The family tomb of the House of the Romanovs in the Moscow New St. Saviour monastery]. A.K. Stanyukovich, ed. Kostroma: Liniya Grafik Kostroma, pp. 63–71. (In Russ.)

- Girshberg V.B.*, 1960. Materials for the register of inscriptions on the stone slabs of Moscow and Moscow vicinity of the 14th–17th centuries. Part I: Inscriptions of the 14th–16th centuries. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphics]*, I. Moscow: Izd. AN SSSR, pp. 3–77. (In Russ.)
- Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya. Materialy issledovaniy. [The necropolis of the Russian grand duchesses and tsarinas in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin. Research materials]. T.D. Panova, ed., comp. Moscow: Moskovskiy Kreml', 2009–2019. 3 vols. (367, 414, 395, 447 p.)
- Ogryzko Z.A.*, 1955. Servants of the St. Savior Prilutsk Monastery of the 16th–17th centuries. *Iz istorii krest'yanstva XVI–XVII vv. [From the history of the peasantry of the 16th–17th centuries]*. S.S. Dmitriyev, ed. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, pp. 8–30. (Trudy GIM, 27). (In Russ.)
- Osadnyy spisok 1618 g. [Siege list of 1618]. Yu.V. Ankhimuk, A.P. Pavlov, comp. Moscow; Varshava: Drevlekhranilishche, 2009. 682 p. (Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy. Istochniki XV–XVII vv.; VIII).
- Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya [Monuments of the Russian service class history]. A.V. Antonov, comp. Moscow: Drevlekhranilishche, 2011. 554 p.
- Panova T.D.*, 1987. Medieval funeral rite based on the materials of the Archangel Cathedral necropolis in the Moscow Kremlin. *SA [Soviet archaeology]*, 4, pp. 110–122. (In Russ.)
- Panova T.D.*, 2003. Nekropoli Moskovskogo Kremlya [Necropolises of the Moscow Kremlin]. Moscow: Moskovskiy Kreml'. 71 p.
- Panova T.D.*, 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vv. [The kingdom of death. The funeral rite of medieval Rus of the 11th–16th centuries]. Moscow: Radunitsa. 183 p.
- Panova T.D.*, 2006. The early stage of development of the Moscow tombstone. Materials of the 14th–16th centuries. From the collection of the Moscow Kremlin Museum-Reserve. *Russkoye srednevekovoye nadgrobiye, XIII–XVII veka. Materialy k svodu [Russian medieval tombstones, the 13th–17th centuries. Materials to the register]*, 1. L.A. Belyayev, ed., comp. Moscow: Nauka, 2006. 358 p.
- Pleshanova I.I.*, 1966. Ceramic tombstones of the Pskov Pechersky Monastery. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphics]*, VI. Moscow: Nauka, pp. 149–206. (In Russ.)
- Pleshanova I.I.*, 1978. Stone tomb slabs of the Pskov Pechersky Monastery. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphics]*, XII. Moscow: Nauka, pp. 63–185. (In Russ.)
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 34. Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moskovskiy i Bel'skiy letopistsy [Postnikov, Piskarevsky, Moscovian and Belsky brief chronicles]. Moscow: Nauka, 1978. 304 p.
- Rabinovich M.G.*, 1951. The main results of the archaeological studies of Moscow. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, 41, pp. 59–66. (In Russ.)
- Rogozina M.G.*, 2013. Repair and restoration works at the Archangel Cathedral in the photographs by Karl Fischer of 1905 from the collection of the A.V. Shchusev State Museum of Architecture. *Moskovskiy Kreml' XV stoletiya. Arkhangel'skiy sobor i kolokol'nya "Ivan Velikiy" Moskovskogo Kremlya. 500 let [The Moscow Kremlin of the 15th century. The Archangel Cathedral and the Ivan the Great Bell Tower of the Moscow Kremlin. 500 years]*. Moscow: Art-Volkhonka, pp. 54–65. (In Russ.)
- Russkoye srednevekovoye nadgrobiye, XIII–XVII veka. Materialy k svodu [Russian medieval tombstones, the 13th–17th centuries. Materials to the register], 1. L.A. Belyayev, ed., comp. Moscow: Nauka, 2006. 358 p.
- Shelyapina N.S.*, 1971. Tombstones of the 13th–14th centuries from the excavations in the Moscow Kremlin. *SA [Soviet archaeology]*, 3, pp. 284–289. (In Russ.)
- Solntsev F.G.*, 1849. Drevnosti rossiyskogo gosudarstva. Otdeleniye I. Al'bom [Antiquities of the Russian State. Section I. Album]. Moscow: Tip. A. Semena. 228 p.
- Sumarokov A.P.*, 1757. Inscriptions meaning the repose years of the supreme persons of the royal family who rest in the Moscow Archangel Cathedral. *Ezhemesyachnyye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchiye [Monthly writings made to the benefit and amusement]*. Noyabr' [November], pp. 387–404. (In Russ.)